

Сан Жипари

Преступление
любви

18+

Сан Кипари
Преступление любви

«Автор»

2026

Кипари С.

Преступление любви / С. Кипари — «Автор», 2026

Ронихига всегда верила в истинную любовь и, когда в студии появились новенькие – братья, её друзья детства, ей показалось – вот оно, чудо! Но чудная обёртка скрывала под собой кошмар. Натан предлагает ей дружбу и тепло, которого ей так не хватает, а Вэлвел требует от неё любви, напоминая о том, что она так старалась забыть. И теперь, чтобы спасти себя и того, кто ей действительно дорог, Ронихиге придётся пойти на отчаянный шаг.

© Кипари С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Сан Кипари

Преступление любви

Глава 1

Скрипка

Мультипликационная студия «Дивери» постепенно оживала.

Ронихига Майски зашла в репетиционный зал, когда уборщица, напевая под нос незамысловатую песенку, бережно протирала тяжеловесные музыкальные инструменты.

– Доброе утро, Вуд! – махнула свободной рукой девушка.

– Доброе-доброе, Рони, – прервалась та, глянув сначала на большие настенные часы, затем на неё. – Снова пришла за час до начала... И чего это тебе не спится, а?

Майски пожала плечами и лёгкой походкой подошла к своему месту. Футляр глухо стукнул о деревянный пол, а большая потёртая сумка с измятыми и помеченными карандашом нотными листами опёрлась о спинку стульчика.

– Другие, вон, наоборот опаздывать любят, спать хотят, – продолжала уборщица, – а ты приходишь рано, уходишь поздно и всегда бодрее всех! В чём же твой секрет, а, Рони?

– Секрета нет, я всего-навсего люблю свою работу!

Светлое лицо осветила привычная улыбка – лёгкая, с примесью чего-то детского, что никак не желало исчезать даже в двадцать девять. Вуд с приподнятыми уголками губ качнула головой и направилась к двери, у которой наготове стояли ведро со шваброй.

– Поражаюсь я тебе! Дай Бог сиять будешь долго... – прежде чем уйти, сказала она. – Ладно, покидаю твою творческую обитель, дорогая! Репетируй!

– И тебе успехов, Вуд!

Ронихига ей помахала и в нетерпении открыла футляр: скрипка лежала на бархатной бордовой подушке, словно спящая принцесса. Она бережно достала инструмент, проверила струны, подтянула колки, хорошенько наканифолила смычок и аккуратно расположила на пюпитре ноты (хотя в них она не нуждалась, ибо всегда заучивала партии наизусть). На выдохе смежив веки, она зажала скрипку между подбородком и ключицей.

Первый звук родился не сразу, – смычок замер в миллиметре от струны, колеблясь, стоит ли нарушать воцарившуюся тишину или нет, однако после – лёгкое касание, – и зал наполнило долгое, тягучее, как мёд, «ля». Скрипка отозвалась бархатисто, с лёгкой хрипотцой, которую Рони любила больше всего на свете. Было в этом звуке что-то человеческое – что-то усталое и столь нежное одновременно. Смычок устремился вверх, – струны затрепетали. Аккорды сменялись, выстраиваясь в целостную мелодию, которую она сочинила этой бессонной ночью, пока рассматривала серебро луж и своё тусклое отражение в окне.

Волосы её отливали оттенком, который художники назвали бы «натуральным золотом». Она не пользовалась ни бигуди, ни плойкой, – густые локоны сами по себе к концам закручивались и при каждом движении головы подпрыгивали. Розоватое лицо было округлым, с заострённым подбородком и аккуратненьким носиком, на правом верхнем веке чернела родинка. Но самым главным в её образе несомненно были большие фиолетовые глаза – как два аметиста, завораживающие своим блеском.

А скрипка продолжала петь, и, казалось, ей начинал подпевать сам зал: его высокие потолки и деревянные панели брали низкие ноты, лампы, стулья, пюпитры и молчавшие инструменты – высокие. Сама же Рони находилась уже не в студии, не в репетиционном зале,

а где-то далеко-далеко – в чудном мире, где не было ни скоротечности времени, ни обязанностей, лишь сладострастные мечтания и долгожданное счастье.

Она представляла себе его – того, кто пока существовал лишь в переливах тонких струн и её красочном воображении. Он не обязательно должен быть модельно красивым, нет. Главное, чтобы смотрел не на её фигуру, не на лицо, а в глаза и видел там что-то своё, родное, близкое; чтобы слушал, как она играет, и понимал то, что она не могла высказать словами; чтобы с ним было тепло и безопасно. Рони мечтала о том, кто не станет её перебивать, кто заметит, когда ей грустно ещё до того, как она сама это осознает, кто сможет разделить с ней счастье тишины и истинной, вечной, верной любви. Ей хотелось, чтобы её любили не за удобство, не за покладистый нрав, не за тело, а просто за то, что она – Ронихига, девушка со своими странностями, комплексами, страхами и привычками.

Она помногу раз перечитывала старые романы, где *он* говорил *ей*: «Я люблю тебя такой, какая ты есть», и каждый раз верила в то, что это – реальность, что так может быть. Она никогда не отрекалась от надежд и мечтаний, даже когда более приземлённые и циничные подруги лаково посмеивались над ней, говоря: «Рони, это всё – сказки».

«Нет, – думала Ронихига. – Не может быть, чтобы любовь существовала лишь на бумаге! Значит, она просто ещё не пришла. Значит, нужно ждать. И действовать. Да, действовать!»

– Bravo! – внезапно раздался мелодичный баритон.

Рони вздрогнула, – смычок дёрнулся, издав короткий визгливый звук, будто сам инструмент возмутился внезапному вторжению.

В проёме дверей стояли трубачи Пётр и Мария Радовы – чрезмерно похожие друг на друга брат с сестрой: оба брюнеты с волосами-лентами до плеч, оба с линиями тату на светлых лицах (у Марии линии шли от нижних век до подбородка, а у Петра – от лба до верхних век и от нижней губы до подбородка) и оба весьма недурной наружности. Однако у них различились глаза: у женщины они сияли рубином, у мужчины – изумрудом. Пётр был привычно одет в клетчатый бирюзовый фрак с белыми лацканами и красным галстуком, Мария – в строгий чёрный костюм и юбку карандаш. В руках у них были футляры с трубами.

– Вы меня напугали! – выдохнула Ронихига, опуская скрипку.

– Bravo! – повторил Пётр, заплодировав. – Это было *merveilleux* ¹! Ты сама это сочинила или?..

– Да так, это набросок на скорую руку, – отмахнулась Ронихига. – Ночью не спалось...

– Рони, не скромничай, – строго сказала Мария. – Только в середине переход с си на фадиез резковат. Но в целом... вполне недурно.

– Ой, ну ты как всегда! Сначала нужно хвалить, а потом уже критиковать!

Мария глянула на брата и закатила глаза:

– Что поделать, если у меня такой характер.

– Ворчунья! Рони, ты не обращай на неё внимания, – Пётр подмигнул, ставя футляр на свой стул и начав расстёгивать его молнию. – Лучше скажи: ты слышала новость?

– Какую?

– У нас в оркестре пополнение! Скоро к нам должен прийти новый барабанщик, а вместе с ним, вроде, оператор. Они, как я слышал, братья.

– Или однофамильцы, – поправила Мария.

– Вот как... – Рони пожала плечами, хотя струны её души резко натянулись.

Сердце, глупое, доверчивое сердце затрепетало. Братья... В её воображении уже сложилась мучающая влюбчивую душу картина: чем-то похожие двое мужчин, – может, с одинаковыми улыбками или похожим взглядом, а, может, и вовсе близнецы, – смотрят на неё, а после

---

¹ чудесно (фр.)

один из них – тот, кто заметит её, невзрачную и оробелую, – подойдёт и ласково пролепечет: «Я слышал, как вы играли. Это было чудесно!»

Тряхнув головой, она отбросила эти наивные мечтания и поинтересовалась:

– А что с Ди стало, вы не знаете?

– Ди – это?.. – озадаченно нахмурилась Мария.

– Наш прошлый барабанщик. Что-то с памятью у тебя совсем неладно стало, сестра.

– Я просто не запоминаю тех, с кем не общаюсь.

– Ну так?.. – вновь привлекла к себе внимание Ронихига.

– Eh bien, voicі², – Пётр начал перебирать вентили, – Ди переехал куда-то за границу и ни с кем не попрощался, чем очень расстроил господина Лонеро, которому пришлось впопыхах искать нового барабанщика. К счастью, барабанщик быстро нашёлся, а вместе с ним и его брат.

– И ты даже не поинтересовался, как их зовут? – спросила сестра.

– А зачем? Придут и представятся. Мне, знаешь ли, не до сплетен сейчас. У меня вон в третьей партии до сих пор проклятое стаккато не выходит!

– У тебя никогда ничего не выходит, – фыркнула Мария, но без злобы.

Ронихига слушала их вполуха и, сама того не понимая, вновь вооружилась скрипкой.

«Братья».

Это слово перекатывалось в голове, как яблоко в тарелке. Рони поймала себя на том, что уже придумала им имена – она всегда так делала. Ещё в детстве, когда во дворе появлялись новые дети, она придумывала им характеры, привычки, любимые цвета, мультфильмы... А потом, если знакомилась, сравнивала вымысел с реальностью и почти всегда ошибалась, однако не расстраивалась, ибо реальность оказывалась куда интереснее выдумок.

«Уилл и Уоррен. Или, если они не иностранцы, Серёжа и Степан. Серёжа – старший, любит спокойствие и тишину, а Степан – его полная противоположность: шумный, резвящийся. Пусть им будет по тридцать. Наверняка они блондины, либо же один – брюнет, другой – блондин. Я, конечно, смотрю в первую очередь на личность и душу, но брюнететы...»

Щёки её невольно порозовели, веки сомкнулись в предвкушении сладостных мечтаний, однако их вдребезги разбил печальный женский голос, восставший из недр памяти: «Не видать мне внуков с такой дочерью». Живость с лица как рукой смело.

– Хига-а, где витаешь? – встряхнул её баритон с лёгкой хрипотцой.

Рони распахнула глаза и встретилась взглядами с их совсем юным дирижёром и, по совместительству, композитором Сэмюелем Лонеро – двадцатидвухлетним длинноволосым блондином с чёрной бородкой, под чьими ласковыми апатитовыми глазами залегли тёмные поцелуи бессонницы, а на губах играла лукавая ухмылка. На нём был голубой костюм.

Майски смутилась, поняв, что за пеленой воображения она даже не заметила, как все уже собрались и рабочий день начался.

– Прошу прощения, господин Лонеро...

– Не выспалась небось?

– Нет, всё в порядке, не переживайте. Я просто... задумалась.

– Ну смотри у меня! – он шутливо пригрозил пальцем. – Итак, дети мои, по местам!

Репетиция прошла, и над головами троекратно зазвенели колокола.

Сэмюель опустил дирижёрскую палочку и заулыбался во все зубы.

– Пе-ре-ры-ыв! Молодцы, дети мои, отлично сыграли! С каждым разом всё лучше и лучше! А теперь прошу всех хорошенько отдохнуть и подкрепиться; нам тут обмороки не нужны!

Оркестр с облегчением вздохнул и почти полным составом отправился в столовую.

Мария поднялась со своего места, потягиваясь.

---

² Ну так вот (фр.)

– Рони, идём? – окликнула она подругу.

– Я не голодна, – ответила скрипачка, не подняв головы; она делала пометки в нотах.

– Опять? – нахмурился Пётр. – Рони, ты вечно не голодна! Так и до анорексии недалеко!

Ты вон вся уже peau et os³!

– Я правда не хочу есть, – твёрдо повторила она. – Идите.

Брат с сестрой молчаливо переглянулись.

– Что у вас тут происходит? – вмешался в разговор Лонеро, уперев руки в бока.

– Господин Лонеро, Рони совсем обнаглела! – воскликнул Радов. – Не ест, не спит, доводит себя до изнеможения! Ужас какой-то!

– Я не обнаглела, – возразила Рони, чувствуя, как щёки заливают предательский румянец.

– Я просто сосредоточена на работе.

– Сосредоточенность – это прекрасно, – композитор положил ладонь на её плечо. – Но не в ущерб здоровью. Ты, Хига, не железная. Между прочим, от усталости страдает интонация. Неужели хочешь, чтобы в готовой записи наша чудесная скрипка фальшивила?

Майски поджала губы. Он знал, куда бить: удар по профессиональной гордости – самый болезненный для человека, живущего музыкой.

– Моя интонация в порядке, – с трудом выдавила она, но уже не так уверенно.

– Пока да, а после? – Сэмюэль вытащил из кармана пиджака маленькую шоколадку. Он всегда их держал про запас для таких упрямых подопечных. – Съешь хотя бы это, и мозг скажет тебе спасибо.

Ронихига посмотрела на протянутую шоколадку и сказала:

– Господин Лонеро, я правда...

– Никаких «правда». Ты, Хига, для меня как дочь, и я не успокоюсь, пока не увижу, что ты съела хоть что-то.

– Поняла, – наконец сдалась Рони, развернула фольгу и откусила половину шоколада, прожевав. – Благодарю, господин Лонеро.

– Да не за что. Ешь-ешь, не дай Бог в обморок свалишься.

– Съем всё. А вы идите сами обедайте; время-то идёт.

– Ну смотри у меня! – Сэмюэль вновь пригрозил пальцем. – Раз уж обедать не хочешь, хотя бы хорошенько поужинай вечером.

– Постараюсь.

– Не постараюсь, а точно!

– Так точно.

Конечно же обещание она не сдержала.

Её ужином всегда был лишь крепкий ягодный чай, хотя желудок протяжно выл и отчаянно желал вкусить чего-то большего, чем просто разбавленная травами вода. Если с голодом справиться она была не в силах, то в ход шёл обычный бутерброд с сыром и колбаской – большего она не ела, считая себя пухлой (хотя, конечно же, это было не так).

После «ужина» она часто садилась за рабочий стол, включала зелёную настольную лампу и делала записи в личном дневнике, который скорее использовала как мусорку для мыслей. И в этой «мусорке» в основном копились думы о любви, – конечно, ведь весной о другом она и думать не могла! Смотря на влюблённые парочки, она искренне завидовала им и тоже мечтала о романтической истории, где главной героиней будут не другие, а она сама. Представляя себя героиней любовного романа, она кусала пальцы и довольно хихикала. Лицо её горело заревом.

---

³ кожа да кости (фр.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.